

ЭЛОИЗА ДЖЕЙМС

ПОЦЕЛУЙ
ГЕРЦОГА

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д40

Серия «Шарм» основана в 1994 году

Eloisa James
THE DUKE IS MINE

Перевод с английского Е. А. Моисеевой
Компьютерный дизайн В. А. Воронина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
InkWell Management и Synopsis.

Джеймс, Элоиза.

Д40 Поцелуй герцога : [роман] / Элоиза Джеймс ;
[пер. с англ. Е. А. Моисеевой]. — Москва : АСТ,
2015. — 320 с. — (мини-Шарм).

ISBN 978-5-17-090400-6

Оливия Литтон готова принести себя в жертву, выйдя замуж за герцога Кантервика, лишь бы этот великосветский брак открыл возможность ее младшей сестре обвенчаться с блестящим и красивым Таркуином, герцогом Сконсом.

Однако не все так просто. Оливия и не подозревает, что сама является предметом обожания Таркуина.

Так начинается история двух женихов и двух невест, история удивительно смешных и невероятно опасных приключений, запутанных интриг и, конечно, любви — страстной и обжигающей, необыкновенной и счастливой!

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-090400-6

© Eloisa James, 2012
© Перевод. Е.А. Моисеева, 2012
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Пролог

Однажды, не слишком давно (а точнее, в марте 1812 года)... жила-была девушка, которой суждено было стать принцессой. По правде говоря, принца поблизости не наблюдалось. Но она была обручена с наследником герцога, а по мнению мелкопоместных дворян, диадема ничем не хуже короны.

История начинается с появления этой девушки и продолжается грозовой ночью и множеством испытаний, и хотя в романе нет горошины, вы найдете в кровати нечто удивительное: может быть, ключ, или блоху, или даже маркиза.

В сказках способность почувствовать под матрасом даже такую мелочь, как горошина, свидетельствует о том, что незнакомая девушка, появившаяся в доме грозовой ночью, действительно принцесса. Конечно же, в реальности все немного сложнее. Чтобы стать достойной титула герцогини, мисс Оливия Мэйфилд Литтон должна была ознакомиться почти со всеми областями знания. Она была готова ужинать с королем, шутом и даже с самим Сократом и беседовать на такие разнообразные темы, как итальянская комическая опера и новые прядильные машины.

Но подобно одной маленькой горошине, подтвердившей настоящую личность принцессы, возможность

Оливии стать герцогиней определял один решающий факт: она была обручена с наследником герцогства Кантервик.

Менее важным является то, что на момент начала истории Оливии было двадцать три года и она все еще была не замужем, ее отец не имел титула, и никто никогда не делал ей комплиментов, таких как, например, «бриллиант чистой воды». На самом деле все было совсем наоборот.

Однако это не имеет значения.

Глава 1

*В которой мы встречаем
будущую герцогиню*

*Кларджес-стрит, 41, Мейфэр
Лондон
Дом господина Литтона*

Основанием для большинства помолвок является одно из этих сильных чувств: любовь или жадность. Однако в случае с Оливией Литтон не было ни единогогласного стремления аристократов обменяться ценным имуществом, ни могучей смеси желания, родства душ и стрел Купидона.

На самом деле в моменты отчаяния будущая невеста приписывала свою помолвку действию проклятия.

— Возможно, родители забыли пригласить на мое крещение могущественную волшебницу, — сказала она своей сестре Джорджиане по пути домой с бала, устроенного графом Миклтуэйтом, во время которого Оливия провела много времени со своим нареченным. — Проклятием же, само собой, стало желание Руперта жениться на мне. Лучше бы я проспала сто лет.

— У сна есть свои достоинства, — согласилась сестра, выходя из родительского экипажа перед домом.

Однако Джорджиана не закончила фразу: у сна есть достоинства, а у Руперта их почти нет.

Оливии пришлось задержаться в темном экипаже, прежде чем она смогла взять себя в руки и последовать за сестрой. Она всегда знала, что когда-нибудь ей надлежит стать герцогиней Кантервик, поэтому не имело смысла так расстраиваться. Но Оливия ничего не могла с собой поделать. Вечер, проведенный с будущим мужем, надломил ее.

И не важно, что почти весь Лондон, в том числе ее мать, считали Оливию счастливейшей из молодых женщин. Мать пришла в ужас, но ни капли не удивилась, когда дочь неудачно сравнила будущее замужество с проклятием. Ее родителям было совершенно ясно, что повышение социального статуса их дочери ничем кроме как невероятной удачей не назовешь. Удачей или благословением.

— Слава Богу, — уже пять тысяч раз со дня рождения Оливии повторил мистер Литтон. — Если бы я тогда не отправился в Итон...

Оливия и ее сестра-близнец Джорджиана любили слушать эту завораживающую историю в детстве. Усевшись на коленях у отца, они внимали, как он, обычный, ничем не примечательный человек, хотя и связанный с герцогом, а также с епископом и маркизом, отправился в Итон и стал лучшим другом герцога Кантервика, унаследовавшего пышный титул в нежном пятилетнем возрасте. Как-то раз мальчики поклялись, что старшая дочь мистера Литтона станет герцогиней, выйдя замуж за старшего сына Кантервика.

Мистер Литтон проявил невероятный энтузиазм в выполнении своей части сделки и в первый же год супружеской жизни стал отцом сразу двух дочерей. У герцога же Кантервика после нескольких лет брака появился только один сын, однако и этого было впол-

не достаточно. Самое главное, его светлость сдержал обещание и постоянно заверял мистера Литтона в неизбежности предстоящей помолвки.

Конечно, гордые родители будущей герцогини сделали все возможное, чтобы подготовить свою первую дочь, которая была старше сестры на целых семь минут, к получению высокого титула, не жалея усилий для создания достойного образа будущей герцогини Кантервик. Едва покинув колыбель, Оливия обзавелась частными учителями. К десяти годам она прекрасно знала самые утонченные правила этикета, умела управлять загородными поместьями (включая познания в двойной бухгалтерии), играть на клавесине и спинете, приветствовать гостей на разных языках, в том числе и на латыни на случай, если вдруг в дом заглянет епископ, и даже разбиралась во французской кухне, правда, больше с теоретической стороны, нежели с практической. Герцогиням не подобало прикасаться к еде, разве только за столом.

Она также превосходно изучила любимую книгу матери «Зеркало комплиментов: полное пособие по овладению искусством быть леди», написанной не кем иным, как ее светлостью, вдовствующей герцогиней Сконс, и подаренной девочкам на их двенадцатый день рождения.

Мать Оливии прочитала «Зеркало комплиментов» столько раз, что постоянно цитировала отрывки, и ее речь походила на обвитое плющом дерево.

— Элегантность, — произнесла она утром перед балом у Миклтуэйтов за джемом и гренками, — данная нам предками, но не подкреплённая добродетелью, скоро увянет.

Оливия лишь кивнула в ответ. Она твердо верила: у увядшей элегантности есть свои преимущества, но знала по опыту, что подобные высказывания, сделанные вслух, вызовут у матери лишь головную боль.

— Юной леди, — заявила миссис Литтон по пути на бал, — ничто не претит больше беседы с нескромным поклонником. — Оливия сдержалась и не спросила, о чем можно с ним беседовать. Свету было ясно, что она помолвлена с наследником герцога Кантервика, поэтому поклонники, нескромные или же наоборот, не отваживались приблизиться к ней.

По правде говоря, Оливия решила припасти этот совет на будущее, когда обзаведется множеством нескромных поклонников.

— Ты видела, как лорд Уэбб танцевал с миссис Шоттери? — спросила Оливия, входя в спальню сестры. — Так мило наблюдать, как они смотрят друг на друга. Кажется, свет воспринимает их свадебные клятвы так же серьезно, как и французы, а все говорят, если во французские клятвы включить обещание хранить супружескую верность, они превратятся в выдумку.

— Оливия! — простонала Джорджиана. — Как можно! Ты ведь не станешь этого делать, правда?

— Тебе интересно, буду ли я неверна моему жениху, как только он станет моим мужем, если этот день когда-нибудь наступит?

Джорджиана кивнула.

— Думаю, нет, — ответила Оливия, хотя втайне и подумывала о том дне, когда у нее хватит духу нарушить все правила приличия и сбежать в Рим со служгой. — Больше всего за весь вечер мне понравилось шуточное стихотворение лорда Помтиниуса про аббата-прелюбодея.

— Не вздумай его повторять! — приказала сестра. У Джорджианы никогда не было ни малейшего желания пойти наперекор общепринятым правилам поведения. Она обожала их и всегда строго им следовала.

— Один похотливый аббат, — поддразнила ее Оливия, — был распутен...

Джорджиана закрыла уши руками.

— Не могу поверить, что он тебе такое рассказал! Отец пришел бы в бешенство, если бы узнал.

— Лорд Помтиниус был пьян. К тому же ему девяносто шесть лет, и он уже не обращает внимания на приличия. Время от времени ему просто хочется пошутить.

— И как бессмысленно! Похотливый аббат? Как аббат может быть похотливым? Они ведь даже не женятся.

— Если хочешь услышать все стихотворение, дай мне знать. Оно заканчивается разговором монашек, так что, полагаю, это слово использовалось весьма вольно.

Благосклонное отношение Оливии к стихотворению указывало на то, насколько она была не готова стать герцогиней. Несмотря на ее внешне пристойное поведение, голос и манеры, было в ней нечто неотесанное, слишком приземленное.

— В тебе нет того неуловимого ощущения своего знатного положения, свойственного твоей сестре, — часто с мрачным смирением говорил отец. — Другими словами, дочка, у тебя непристойное чувство юмора.

— Поведение должно всегда подчеркивать твое доброе имя, — вставляла мать цитату из книги герцогини Сконс.

Оливия лишь пожимала плечами в ответ.

— Если бы только первой родилась Джорджиана, — говорила мужу миссис Литтон в моменты отчаяния. Оливия была не единственной участницей образовательной программы родителей. Опасаясь неприятностей, которые могли бы угрожать их старшей дочери, таких как лихорадка, бешено несущийся экипаж или падение с башни, они благоразумно обучили и вторую дочь.

К несчастью, всем было ясно: Джорджиана была достойна звания герцогини, а вот Оливия... Оливия оставалась Оливией. Конечно, она могла вести себя

с изысканным изяществом, но с близкими была язвительной, слишком остроумной для истинной леди и совсем не любезной.

— Стоит мне лишь упомянуть «Зеркало комплиментов», она на меня так смотрит, — жаловалась миссис Литтон. — А ведь я просто хочу помочь.

— Когда-нибудь эта девочка станет герцогиней, — мрачно отзывался мистер Литтон. — Тогда она будет нам благодарна.

— Но если бы... — задумчиво произносила миссис Литтон. — Милая Джорджиана стала бы прекрасной герцогиней.

Сестра Оливии рано усвоила нелегкое искусство сочетать благородные манеры с безупречной скромностью. С годами у Джорджианы появилось множество черт, присущих истинной герцогине: манера ходить, говорить и держать себя.

— Достоинство, благочестие, любезность и осанка, — повторяла миссис Литтон снова и снова как заклинание.

Джорджиана бросала взгляд в зеркало, чтобы удостовериться в своей величественной осанке и любезном выражении лица.

Оливия же отвечала матери:

— Слабость, тщеславие, нелепость и... глупость!

К восемнадцати годам Джорджиана выглядела, говорила и даже благоухала благодаря французским духам, с огромными расходами доставленными контрабандой из Парижа, как настоящая герцогиня. Оливию же это почти не трогало.

Литтоны были счастливы. Любой здравомыслящий человек сказал бы, что они воспитали настоящую герцогиню, хотя ей и не было суждено стать невестой высокородного наследника. По мере взросления дочерей Литтоны убеждали себя, что Джорджиана станет прекрасной женой любого знатного человека. Однако со

временем они перестали мечтать о возможном избраннике своей дочери.

К сожалению, так похожая на герцогиню девушка вовсе не была идеалом молодых людей. Несмотря на то что в свете только и говорили о добродетелях Джорджианы, особенно престарелые вдовы, редко кто приглашал ее на танец, не говоря уже о замужестве.

Мистер и миссис Литтон объясняли это по-своему. По их мнению, любимая младшая дочь скорее всего потеряется в тени герцогини и не сумеет выйти замуж из-за отсутствия приданого.

Литтоны потратили все свои средства на учителей, поэтому их младшей дочери достались лишь жалкие гроши.

— Мы всем пожертвовали ради Оливии, — повторяла миссис Литтон. — Не понимаю, почему она так неблагодарна. Она ведь самая счастливая девушка в Англии.

Оливия же себя таковой не считала.

— Я выхожу замуж за Руперта лишь по одной причине — я смогу дать тебе приданое, — сказала она Джорджиане. Оливия прикусила кончики перчаток, чтобы стянуть их с руки. — Честно говоря, сама мысль о свадьбе выводит меня из себя. Я могу смириться с титулом, хотя он мне совершенно не нужен, но вот только мой жених ничтожный и глупый болван.

— Ты используешь жаргон, — начала Джорджиана, — и...

— Ничего подобного. — Оливия швырнула перчатки на кровать. — Я сама выдумала это выражение, и тебе не хуже меня известно, что в «Зерцале деревенщины» говорится о жаргоне. Цитирую: «Грубая речь, используемая самыми низменными слоями общества». И как бы мне ни хотелось стать представительницей этого низменного слоя, у меня нет никакой возможности добиться этого титула.

— И не надо. — Джорджиана уселась на диване перед камином. Оливии отвели самую большую спальню в доме, больше чем у матери и отца, поэтому близнецы нередко скрывались здесь от родителей.

Однако упрек Джорджианы был лишен обычной ярости. Оливия нахмурилась.

— Ты плохо провела вечер, Джорджи? Мой глупый жених постоянно меня отвлекал, и после ужина я потеряла тебя из виду.

— Меня было легко найти. Почти весь вечер я просидела рядом с почтенными вдовами.

— Милая! — Оливия присела рядом с сестрой и крепко обняла ее. — Подожди, пока я не стану герцогиней. Я обеспечу тебе такое приданое, что каждый джентльмен будет падать на колени при одной мысли о тебе. Они станут называть тебя «золотая Джорджиана».

Джорджиана даже не улыбнулась, и Оливия продолжала:

— Лично мне нравятся вдовы. У них всегда столько историй, например, о лорде Меттерснатче, который заплатил семь гиней, чтобы его высекли.

Джорджиана нахмурилась.

— Знаю, знаю! — не дала ей заговорить Оливия. — Это вульгарно. Но мне все равно понравился рассказ про костюм кормилицы. Радуйся, что не оказалась на моем месте. Кантервик весь вечер расхаживал по залу и таскал за собой меня с Рупертом. Все перед нами расстиались, хихикали у меня за спиной и спешили сообщить другим, какой счастливец мой глупый жених, потому что у него есть я.

Между собой Оливия и Джорджиана обычно называли Руперта Форреста Г. Блейкмора, маркиза Монтсуррея, будущего герцога Кантервика, глупым женихом. Иногда он же был глупым мужем и безмозглым суженым на итальянском и французском языках, которыми девушки свободно владели.

— Чтобы необратимо испортить вечер, не хватило только непорядка в одежде, — продолжала Оливия. — Если бы кто-нибудь наступил на шлейф моего платья и оторвал его, предоставив всему свету любоваться моим задом, я чувствовала бы себя по-настоящему униженной. Но так скучно мне бы уж точно не было.

Джорджиана не ответила, лишь запрокинула голову и уставилась в потолок. Вид у нее был несчастный.

— Не надо огорчаться. — Оливия попыталась придать голосу бодрости. — Глупый жених танцевал с нами обеими. Слава Богу, ему достаточно лет, чтобы посещать балы.

— Он считал шаги вслух, — заметила Джорджиана. — И сказал, что в платье я похожа на пухлое облако.

— Тебя ведь уже не должно удивлять, что Руперт не в состоянии поддержать светскую беседу. Если кто-то и похож на пухлое облако, то только я, ты же была похожа на весталку. А это куда благороднее облака.

— Благородство никому не нужно, — возразила сестра Оливии, отворачиваясь. Ее глаза были полны слез.

— Ах, Джорджи! — Оливия снова обняла сестру. — Прошу, не плачь. Я вот-вот стану герцогиней и тогда принесу тебе приданое и закажу такие красивые наряды, что тобой будет восхищаться весь Лондон.

— Это мой пятый сезон, Оливия. Тебе не понять, как это ужасно, ведь ты никогда не выходила в свет ради поисков мужа. Сегодня ни один джентльмен не обратил на меня внимания, как, впрочем, и в последние пять лет.

— Это все из-за платья и приданого. Мы обе были похожи на привидения, только не прозрачные. Ты, конечно же, была стройным привидением, а я более плотным.

На Оливии и Джорджиане были похожие платья из тонкого белого шелка с лентами на груди, украшенными мелким жемчугом и кистями. Такие же ленты

украшали платья с боков и сзади, волнуясь от малейшего ветерка. В альбоме выкроек мадам Уэллбрук этот наряд выглядел изысканно.

Им пришлось усвоить тяжелый урок. Трепещущие ленточки могли красиво выглядеть на платье худой дамы с картинки, но в реальности они не были так уж хороши.

— Я видела, как ты танцевала, — продолжала Оливия. — Ты была похожа на веселое майское деревце с развевающимися лентами. У тебя и кудряшки подпрыгивали.

— Это не имеет значения, — отрезала Джорджиана, смахнув слезу. — Все из-за нашего воспитания, Оливия. Ни один мужчина не захочет жениться на чопорной девице, которая ведет себя как девятиноспятилетняя вдова. А я просто не могу вести себя иначе. — Джорджиана судорожно разрыдалась. — Не верю, чтобы кто-то мог хихикать за твоей спиной, если только от зависти. Я же для них как овсянка. Я вижу, как их взгляд тускнеет всякий раз, когда им приходится танцевать со мной.

В глубине души Оливия понимала, что во многом виновато обучение. Однако она крепче обняла сестру и продолжала:

— Джорджиана, у тебя прекрасная фигура, ты очень мила, а то, что ты умеешь накрыть стол на сто человек, не имеет никакого значения. Брак — это соглашение, и все дело в деньгах. У женщины должно быть приданое, иначе никакой мужчина не женится на ней.

Джорджиана шмыгнула носом, давая понять, как она расстроена, потому что обычно ни за что бы не снизила до столь низменного поступка.

— Я не могу без зависти смотреть на твою талию, — добавила Оливия. — Я похожа на маслбойку, а ты настолько изящна, что могла бы устоять на острие булавы, как ангел.

Большинство молодых девушек, готовых к замужеству, в том числе и Джорджиана, действительно были необычайно стройны. Они порхали из комнаты в комнату, окутанные прозрачным шелком.

Оливия была совершенно на них не похожа. И в этом крылась печальная истина, червоточина в самой сердцевине цветка и постоянная причина печали миссис Литтон. Она считала, что вульгарные шутки Оливии и ее любовь к хлебу с маслом происходят из одних и тех же недостатков характера. Оливия не спорила.

— Ты совсем не похожа на маслобойку, — возразила сестра и вытерла слезы.

— Я слышала кое-что интересное, — воскликнула Оливия. — Кажется, герцог Сконс собрался жениться. Думаю, ему нужен наследник. Ты только представь, Джорджи. Ты могла бы стать невесткой одного из самых чопорных и накрахмаленных существ. Как думаешь, герцогиня читает вслух за столом свое заплесневелое «Зеркало»? Она тебя сразу полюбит. Наверное, ты единственная женщина в целой стране, которую она могла бы полюбить.

— Вдовам я всегда нравлюсь. — Джорджиана снова шмыгнула носом. — Но это не значит, что герцог взглянет в мою сторону. И вообще я думала, Сконс женат.

— Если бы герцогиня одобряла двоеженство, то так бы и написала в своем «Зеркале», а раз этого нет, значит, ему нужна вторая жена. Есть и еще одна, не такая радостная новость. Маме рассказали про салатную диету, и она настаивает, чтобы я ее немедленно попробовала.

— Салатная диета?

— С восьми часов утра до восьми вечера надо есть только зеленый салат.

— Но это же нелепо. Если ты хочешь похудеть, то должна перестать покупать пирожки с мясом, а маме говорить, будто покупаешь ленты. Хотя, честно гово-